

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИФИНЛЯНДСКИХ НАСТРОЕНИЙ СРЕДИ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ФИНЛЯНДИИ В 1918 – 1920 ГГ.

В результате предоставления Советским правительством государственной независимости Великому княжеству Финляндскому русские, проживавшие на его территории, в одночасье очутились за границей. В основном это были офицеры и военные чиновники частей русской армии и флота, дислоцировавшихся в Финляндии, служащие правительственных учреждений, а также лица интеллигентных профессий¹. Имелось также и некоторое количество дачников, владевших участками и домами, в основном на Карельском перешейке². Превращение подданных Российской империи в эмигрантов, не знавших языка и культуры нового государства, да и ещё презрительно относящихся к чухнам не могло пройти безболезненно. Следует так же отметить, что в это же время происходил и всплеск русофобии в финском обществе. Наложение этих явлений друг на друга и привело к формированию антифинляндских настроений в русской эмигрантской среде.

Изучение истории русской эмиграции в Финляндии уже привлекало внимание как финских, так и отечественных историков. В исследованиях П. Неволайнена, Ю. Суомелы, В. И. Мусаева рассматривались вопросы, связанные с различными аспектами жизни и деятельности русской эмиграции³. Тема разжигания русофобии в финском обществе освещена в работе О. Каремаа⁴. Вместе с тем проблема становления антифинляндских настроений в русской беженской среде специально не рассматривалась. Изучению этого вопроса и посвящена данная статья.

Переход от антирусских настроений, в дореволюционный период, который был во многом связан с действиями царской администрации, к открытой русофобии относится к революции и гражданской войне в Финляндии. Так, по мнению финского историка О. Каремаа, за разжигаемой русофобией стояло желание сделать русских ответственными за

гражданскую войну, и тем самым снять ответственность с самих финнов⁵. Ещё в ходе боевых действий, после взятия Таммерфорса, белые финны казнили около 200 русских солдат и офицеров, по другим данным 350⁶. В Выборге по разным сведениям было казнено до 600 русских военных и гражданских лиц⁷. Однако по данным газеты «Петроградский голос» число жертв в Выборге составило 500 человек, а по информации «Дело народа» оказалось только 169 убитых⁸. Таким образом, вопрос о количестве жертв остаётся ещё открытым. Вместе с тем сам факт уничтожения русских по национальному признаку имел место и только ненавистью к большевикам это явление не объяснить⁹. Русофобия становилась элементом политики, вне зависимости от того являлся ли, тот или иной русский большевиком, или принадлежал к буржуазным элементам¹⁰. По словам газеты «Ууси Пейве»: «Всех русских надлежит расстреливать как собак»¹¹.

Победа белых финнов в Гражданской войне, при помощи регулярных германских экспедиционных войск, численность которых по разным оценкам составляла от 13 до 20 тыс. человек, поддержанных авиацией, флотом и артиллерией, привела к всплеску русофобии¹². После взятия немцами Гельсингфорса 14 апреля, а затем и в других городах, были сняты вывески с названиями улиц на русском языке¹³. 16 апреля 1918 г. появилось правительственное постановление о немедленном выселении русских подданных из столицы под предлогом невозможности обеспечить им безопасность и нехватки продовольствия. В дальнейшем это постановление распространилось и на другие области Финляндии. Для перевозки репатриантов в Петроград или Ревель правительство предоставило три русских судна «Ильза», «Гогланд» и «Рига». К 30 мая 1918 г. из страны были высланы 13122 человека из них 9444 уехали в Петроград. Правда, вскоре этот процесс прекратился. Так, в Нюландской губернии к лету 1918 г. оставалось 1200 русских, не считая самоопределившихся украинцев и поляков¹⁴. К концу июня 1918 г. из Финляндии было выслано 20 тыс. русских¹⁵. По данным печати высылке подверглось 90% российских граждан¹⁶. Однако полностью освободиться от русских властям Финляндии не удалось¹⁷. Наиболее рьяно постановление о выселении выполнял губернатор губернии Уусимаа Б. Ярландер. Русские в Гельсингфорсе могли оставаться только по его личному распоряжению. В основном высылались военные и приравненные к ним лица¹⁸. Чиновничий произвол вёл к коррупции, по свидетельству очевидцев, соответствующие свидетельства на проживание можно было оформить за

взятку в канцелярии губернатора¹⁹. Аналогичный процесс происходил и в Выборгской губернии. Там был создан эвакуационный комитет, который выдавал разрешения на жительство иностранцам в губернии. Таким образом, судьба беженцев зависела от решений отдельных чиновников, а это порождало взяточничество.

Однако, процесс, направленный на вытеснение всего, что было связано с Россией, продолжался и набирал темпы. Так, 24 июля 1918 г. на волне антирусской истерии в Выборге был снесён и разбит памятник Петру Великому²⁰. Только с августа месяца русским стали выдавать продовольственные карточки²¹. До этого, они покупали продукты на вольном рынке, что увеличивало спекуляцию и вызывало недовольство населения и властей.

Сыскная полиция установила слежку за русскими. Обвинения в большевизме и как следствие аресты стали обычным делом. Так, один из русских морских офицеров оказавшийся в финской тюрьме, выйдя на свободу писал, что «такого грубого обращения я не видел даже со стороны выборных представителей русской черни, которая держала меня в заключении около 5-ти месяцев»²². И эти случаи не были единичными²³. Однако, наиболее вопиющим фактом беззакония стал арест 28 мая 1918 г. полномочного представителя Народного комиссариата иностранных дел РСФСР, бывшего коменданта Свеаборгской крепости полковника К. Е. Кованько, как сочувствующего большевизму. Правда, в конце июня под давлением НКВД и благодаря протестам русской общественности в Гельсингфорсе его выпустили, но уже 5 октября по новому доносу, в котором сообщалось, что Кованько является большевистским агентом, полковнику предложили в трёхдневный срок покинуть Финляндию. Однако вскоре сорокапятилетний военный скоропостижно скончался и его выдворение не состоялось²⁴.

Другим элементом антирусских настроений стало изгнание русского языка из повседневного общения. В связи с этим упразднялись должности переводчиков с русского языка в различных учреждениях, отменялись постановления об использовании русского языка в различных ведомствах²⁵. Дело доходило до того, что русским просителям приходилось объясняться с финскими чиновниками на немецком языке²⁶. Отвечая на просьбу Консистории Гельсингфорского университета, правительство Финляндии своим решением от 4 февраля 1919 г. ликвидировало с 1 марта все русские кафедры в этом учебном заведении²⁷.

Антирусские настроения активно культивировались финской печатью злобными и оскорбительными статьями. Русских называли клопами, чумой, саранчой. Обвиняли в том, что они объедают финнов, которые проявляют жертвенное гостеприимство и делятся последним куском хлеба с пришельцами, являющимися дополнительным бременем для экономики Финляндии. Русских беженцев называли бездельниками, прожигателями жизни, предлагали поставить их на принудительные работы, а могущих носить оружие отправить на эстонский фронт. Тон в этой кампании задавали политики и интеллигенция²⁸. Как мы видим поведение образованной части общества, как и правительственных чиновников, носило конфронтационный характер и не могло способствовать сближению ни с красной, ни с белой Россией.

После начала красного террора в Советской России произошло увеличение числа русских беженцев в Финляндии. Так, осенью 1918 г. в страну прибыло 3000 человек²⁹. По данным премьер-министра Финляндии Л. Ингмана, на начало 1919 г. на её территории находилось 15457 русских. Из них в Ньюландской губернии 2774 человека и в Выборгской 11120³⁰. За 1918 – 1919 гг. по данным Карельской пограничной комендатуры границу перешло 10 тыс. беженцев³¹. По словам главы правительства, поставки продовольствия со стороны Антанты в Финляндию учитывали и наличие здесь русских беженцев³². Тем самым Ингман давал отповедь тем, кто считал, что русские объедают финнов.

В основном русские беженцы старались селиться в Гельсингфорсе и Выборге. Такая ситуация сложилась в связи с тем, что среди них в основном преобладали люди интеллигентных профессий или военные и найти работу они могли только в крупных городах. Немаловажное значение имело и то, что здесь имела и та русская среда, которая давала определённую опору в чужой языковой и культурной среде. Жизнь в глухих провинциальных местах, без знания языка, без средств не давала никаких перспектив на будущее. Не следует забывать, что до предоставления Финляндии независимости Гельсингфорс являлся базой Балтийского флота, а в Выборге находился штаб 42-го армейского корпуса. По разным данным в январе-феврале 1919 г. в Финляндии насчитывалось 1500–2000 сухопутных и морских офицеров, а также военных чиновников³³. В этих городах проживали и семьи русских военнослужащих. Всё это привело к скоплению русских в Гельсингфорсе и Выборге.

Следует отметить, что наиболее незащищённым беженским элементом были военнослужащие и служащие русских государственных

учреждений, жившие на получаемое жалование. Поскольку Финляндия стала самостоятельным государством, а отношения с Советской Россией были не урегулированы, то все эти люди и их семьи остались без средств к существованию. Имевшиеся сбережения быстро подходили к концу, надо было платить за съёмное жильё и не дешёвую еду. Помощь русских благотворительных организаций была ограниченной из-за недостатка средств и всем нуждающимся её не хватало. Поэтому в основном эмигранты жили продажей вещей. Вместе с тем среди беженцев имелись и богатые люди, не спешившие помогать попавшим в трудное положение соотечественникам и вызывавшие своим роскошным житьём неприязнь, как у финнов, так и у русских³⁴.

Осенью 1918 г. наблюдалось некоторое послабление со стороны финских властей, в отношении русских беженцев, что было связано с поражением Германии в Первой мировой войне и уходом в отставку германофильского правительства П. Э. Свинхувуда, а также поворот во внешней политике на Антанту, связанный с именем регента Финляндии генерала К. Г. Э. Маннергейма³⁵. Однако вскоре это отношение стало меняться. Так, полицмейстер Гельсингфорса в конце декабря 1918 г., в рождественские праздники, отдал распоряжение выселить 75% русских подданных из гостиниц и комнат для приезжающих. Однако, вскоре, эта мера была приостановлена³⁶.

Негативному отношению к русским беженцам способствовала и политика непризнания государственной независимости Финляндии со стороны Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака и Русского политического совещания в Париже (РПС). 9 марта РПС обратилось к Парижской мирной конференции с меморандумом. В нём говорилось о недопустимости решения судьбы нерусских национальностей, проживавших в границах Империи до 1914 г., без участия России. Исключение делалось только для Польши³⁷. Это заявление, а также интервью генерала Н. Н. Юденича, находившегося в Финляндии, о несвоевременности вопроса о независимости, вызвало негативную реакцию в правительственных и общественных кругах страны³⁸. И далее на протяжении 1919 г. такой подход у руководителей Белого движения к независимости Финляндии существенно не менялся, что естественно сказывалось и на бесправном положении русских беженцев в стране.

Теперь рассмотрим отношение русских к финнам в новых для себя условиях. Здесь, прежде всего, следует учитывать наличие, практически у всех эмигрантов, имперской психологии. По своему социальному

составу это были люди интеллигентных профессий, чиновники и офицеры. Отделение Финляндии они воспринимали как нарушение прав России. Очень ярко психологию великодержавия у этих слоев населения описал бывший посол во Франции В. А. Маклаков. В письме от 19 декабря 1927 г. бывшему послу в США Б. А. Бахметьеву он говорил: «Я и мы все, несмотря на различие между собой, мы люди старого порядка и воспитания... Мы не только были заражены идеями великодержавной России, но были заражены чувством собственника, который не мог мириться с сокращением его владений, если они даже не нужны, и с превращением централистического государства в союзное»³⁹. В ответном письме Бахметев, называя себя «великодержавником», выражал уверенность в способности русского народа «к имперскому строительству»⁴⁰. Следовательно, имперская психология являлась неотъемлемой частью правящего класса и буржуазной интеллигенции России, и отвыкнуть от этого в одночасье было не возможно.

Столкновение представителей имперской психологии с государством только что получившим независимость не могло пройти безболезненно. Беженцы из Петрограда приезжали не в провинцию Российской империи, пусть и с особым статусом, а в независимое государство. Они стремились из большевистского «ада» в страну обетованную, а попадали в весьма недружественное окружение. Так, в дневнике подполковника С. Э. Виттенберга в мае 1918 г. была сделана такая запись: «Никогда русский человек не подвергался таким оскорблениям, никогда не был так унижен, как теперь...Русских ловят на улице и насильственным образом сажают на пароход, как собак. Русского оскорбляют на каждом шагу, и оскорбляет всякий, и эта драма, это бесчеловечное, возмутительное явление происходит в культурной, претендующей на самостоятельность стране, в Финляндии»⁴¹. Однако и через год в этом отношении никаких существенных изменений не произошло. В письме члена Политического совещания при генерале Н. Н. Юдениче, А. В. Карташева, министру внутренних дел омского правительства В. Н. Пепеляеву, из Гельсингфорса, говорилось: «мы здесь покуда абсолютно бесправны, неизмеримо бесправнее евреев в прежней России. Нас выселяют без всякой причины из той или иной местности, почти совершенно лишают возможности передвигаться по ж[елезной] д[ороге], травят в печати, не дают права жительства в крупных городах, не дают возможности связаться с Эстонией и т[ак] д[алее]»⁴². Однако свыкнуться с таким обращением эмигранты ещё не могли, а потому вели себя неадекватно в новой ситуации. Так, испол-

нявший обязанности консула в Финляндии полковник А. Н. Фену в 1920 г. писал: «Увы, наши компатриоты на редкость бестактны, не умеют себя вести в чужом государстве, мало чему научились за революцию и только подводят своих более корректных и смиренных сородичей»⁴³. О вызывающем поведении ряда русских беженцев свидетельствовали и другие современники⁴⁴. И естественно, что это вызывало ответную реакцию со стороны финнов. К тому же следует отметить, что у большинства русских беженцев существовала твёрдая уверенность в скором падении большевизма и возвращении к старому порядку вещей. Поэтому и своё новое состояние они воспринимали как временное и вели себя соответственно своим представлениям. Во взаимных отношениях между финнами и русскими беженцами существовала одна особенность. Если финны могли открыто выражать свою неприязнь к русским, то последние были лишены этой возможности. И своё отношение к «гостеприимным» соседям они высказывали в частных разговорах, а также в дневниках, письмах, а затем и в воспоминаниях. Так, в дневниках командира 1-й бригады крейсеров Балтийского флота адмирала В. К. Пилкина, оказавшегося вследствие болезни в санатории в Финляндии, а после её отделения от России, ставшего эмигрантом и больше года проведшего в этой стране, весьма ярко отразились настроения военной части эмиграции. При этом следует учесть, что ещё в царском флоте адмирал слыл либералом. Однако пребывание в независимой Финляндии выводило из равновесия и этого интеллигентного военного. Так, финляндское правительство, по его мнению, это «12 болванов, управляющих Финляндией», «12 болванов, составляющих самоедское правительство»⁴⁵. Вместе с тем «неорганизованный народ, извозчики, дворники, кухарки, прачки», по наблюдению адмирала, не являлись противниками России⁴⁶. Врагами он считал финскую интеллигенцию, политиков шведов и немцев. Однако свой гнев он распространял, судя по всему на всех финнов, отпуская в их сторону такие выражения, как «тупые чухны», «чухны тупо смотрящие на то, что происходило перед глазами», «мстительный маленький народец», «хамская нация», «тупоумные финляндцы»⁴⁷. Возмущало Пилкина и взяточничество финских чиновников⁴⁸. Подтверждал некоторые наблюдения адмирала и полковник А. А. Бугсгевден, который говорил, что ему «редко приходилось видеть таких тупых людей, как финские министры»⁴⁹. Подводя итог некоторым своим наблюдениям, 8 февраля 1919 г. Пилкин писал, что Финляндию «русское население начинает всё

больше и больше ненавидеть за её притеснения, издевательства, некультурность, взяточничество сумбур в делах и т.п.»⁵⁰.

Весьма нелицеприятным было и восприятие финнов старшим лейтенантом Г. фон Дихтом, проведшим девять месяцев в Финляндии. «Жестокосердие и жажда мщения», по его мнению, являлись их характерной чертой⁵¹. По словам Дихта, в Финляндии царила «атмосфера ненависти, недоброжелательства и недоверия ко всему русскому»⁵². И, продолжая свою мысль, он писал: «Финляндия есть страна недругов России, и мне, осведомлённому в настроениях финского общества ясно, что если 50% его приходится вместе, и на друзей, и на недоброжелателей России, то остальные 50% являются её убеждёнными врагами; эти 50% определённо не желают способствовать восстановлению России, одни бессознательно, так сказать, из-за слепого чувства ненависти к ней, а другие ещё и потому, что страшатся за участь «самостоятельной свободной Финляндии» перед возрождённой Россией, как они об этом пишут, и говорят»⁵³. При этом, как замечал автор записки, среди русских, он считался «заядлым финноманом». Что же заставило Дихта изменить своё отношение к финнам? «Я был личным свидетелем – писал автор – финского несправедливого, а подчас и возмутительного отношения к моим бесприютным и обездоленным соотечественникам, среди которых большинство были вполне искренние доброжелатели и друзья финнов, мои добрые к ним чувства невольно сменились чувством справедливого негодования»⁵⁴.

Чувство неприятия происходящего вокруг было присуще и одному из известных русских писателей Леониду Андрееву, жившему на своей даче в Финляндии. В его дневнике встречаются такие характеристики финнов. Так, 22 января 1919 г. он писал: «В Финляндии на русских дикие и хамские гонения. До чего ничтожен этот народишко!»⁵⁵. В этом смысле запись от 15 мая 1919 г. ещё более красноречива: «Божий мир прекрасен и в Финляндии. Но человеческий финский мир вызывает чувство, похожее на ненависть, на горькую отраву. Ненавистны их дома, их заборы, их серые лица с звериной линией затылка. Нет у этого народа ни благородства, ни великодушия, ни чувства чести, ведут себя, как лакеи. И ума нет. Только великое безумие мира могло выдвинуть на один из первых планов этот будничныи народец, лишённый фантазии и творчества. Войдут воды жизни в свои берега, проспится и встанет к работе отрезвевший мир, – и в какую глубокую подмышечную тень уйдёт эта «великодержавная» Финляндия, как бесследно она затеряется под ногами у великих!»⁵⁶. Негативное восприятие Финляндии встречается и в письме

Н. К. Рериху от 4 сентября 1919 г., в котором есть полные горечи слова «чужая и враждебная Финляндия»⁵⁷. Особенно коробило Л. Н. Андреева, как и других эмигрантов различного рода унижения со стороны финских чиновников⁵⁸. Вместе с тем, следует отметить, что в интервью финским журналистам ничего подобного, о чём писалось Андреевым в дневнике или письмах, мы не найдём⁵⁹.

Если упоминаемые ранее свидетельства были сделаны людьми, оставшимися в Финляндии в результате того, что страна стала независимым государством и проживавшими, как правило, в Гельсингфорсе и в большей степени сталкивавшихся со столичной бюрократией, интеллигенцией, прессой, то первое впечатление от соприкосновения с финнами человека, бежавшего из Советской России, представляет интерес тем, что он столкнулся с солдатами, младшими офицерами, обслуживающим персоналом карантина, куда финские власти помешали беженцев, боясь эпидемических заболеваний. Для этого обратимся к мемуарам бывшего члена Государственного совета Российской империи В. М. Андреевского. Хотя они и были обнародованы, как предполагает публикатор в 1930 г., однако, судя по всему, их основу составили какие-то дневниковые заметки. О чём, например, свидетельствует следующая запись: «12 марта 1920 года. Третий день живём в Финляндии»⁶⁰.

После тяжёлого и опасного путешествия по льду Финского залива В. М. Андреевский и его трое спутников очутились в Финляндии⁶¹. Попутно отметим, что в 1918 – 1920 гг. между Петроградом и Финляндией был налажен нелегальный канал по переброске людей не желавших оставаться жить в Советской России. Бежали в основном достаточно состоятельные люди, поскольку, как писал Андреевский, за эту услугу с них взяли по 37 тысяч рублей думскими с человека⁶². Однако, как действовал этот «бизнес» и кто в него был вовлечён, по обе стороны границы, пока остаётся неизвестным. Промысел по тайной перевозке людей из Петрограда в Финляндию основывался на подкупе. Красноармейцам давали «на чай», а порой они и сами попросту отбирали наиболее ценное у бегущих из России⁶³. На финской стороне, как свидетельствовали беженцы, за 100 марок можно было получить любое удостоверение⁶⁴. Сложившаяся ситуация значительно улучшала материальное положение служивших на границе⁶⁵. В таких условиях попытки финляндских властей урегулировать вопрос с нелегальным переходом границы существенных результатов не дал⁶⁵. Следует отметить, что и со стороны Советской России охрана границы оставляла желать много лучшего⁶⁷.

Первая встреча с финскими солдатами у В. М. Андреевского произошла на сторожевом посту недалеко от форта Ино. Впечатление от этого свидания у него осталось такое: «Все с белобрысыми тупыми лицами»⁶⁸. Вскоре беженцев отправили на форт Ино, при этом переезд обошёлся в 50 марок. Их привели в канцелярию форта, «где молоденькие, безусые и белобрысые чухонцы, наряженные в военную форму, с необыкновенной важностью одни писали за столом, другие с ещё большей важностью звонили в телефон и то и дело козыряли друг другу. Мы долго сидели на стульях и глядели на этих пошляков: наконец, часов в десять явился комендант – белобрысый чухонец, чисто обритый, конечно, в галифе и, конечно, в френче. Видно было, что роль коменданта и галифе и френч его необыкновенно тешили»⁶⁹. Через некоторое время комендант «с улыбочкой на белобрысом тупом лице» объявил, что их отправят обратно в Россию. Естественно, что беглецы, услышавшие такой вердикт, были ошарашены: «Мы с ужасом слушали гнусного коменданта и не знали, что уже как два дня финнам запрещено возвращать обратно бежавших из России. Подлый кретин, очевидно, наслаждался нашим смущением и долго держал нас в канцелярии форта Ино голодными» – писал Андреевский⁷⁰. «Но слава Богу, дикарям не долго удалось побезобразничать» – заключал автор воспоминаний⁷¹. Под давлением союзнических миссий в Финляндии МИД страны отдал распоряжение не отправлять обратно тех, кто перешёл границу⁷². Из форта Ино беглецов направили в Териоки (современный г. Зеленогорск), их опять вёз тот же финн, но уже за 250 марок. Там они подверглись таможенному досмотру, а затем их поместили в карантин. По словам Андреевского, «карантин, как он организован в Териоках является явлением нелепым и уродливым, явно преследовавшим цели не наблюдения и изоляции, а вымогательства и наживы»⁷³. Из карантина нельзя было выйти, но в то же время там целый день толкались финские торговки, продавая продукты втридорога, так как кормили там отвратительно⁷⁴. Возникает впечатление, что на приграничной территории Финляндии работала хорошо организованная преступная группа по обиранию беглецов из России с момента бегства и до выхода из карантина. На лихоимство гельсингфоргских чиновников обращал внимание и адмирал В. К. Пилкин⁷⁵.

Подводя некоторые итоги можно сказать, что антифинские настроения русской эмиграции формировались, как на имперском мышлении беженцев, так и на широко распространённой русофобии в финском обществе. В свою очередь, это вело к тому, что для большинства русских эмигран-

тов Финляндия стала перевалочной базой на пути в Европу. Русофобия финнов мешала налаживанию отношений, как с большевиками, так и их противниками и в дальнейшем сказалась на советско-финских отношениях. Россия являлась врагом вне зависимости от существовавшего в ней социально-экономического строя. И естественно, что это порождало ответную реакцию русских эмигрантов.

---

¹« А пришлось в разлуке жить годами...». Российское зарубежье в Финляндии между двумя войнами: Материалы к биобиблиографии, 1987 – 2002 гг. / Сост. Н. В. Бекжанова, Н. А. Волкова О. Х. Маханов, Н. А. Сидоренко. СПб, 2003. Составители данного труда учли около 2000 персоналий. Указатель их профессий и занятий говорит о том, что в основном это были политические и общественные деятели, офицеры армии и флота государственные служащие, деятели православной церкви, юристы, предприниматели, учёные, врачи, инженеры, писатели, художники, артисты. Из не принадлежащих к образованным классам можно отнести часть участников Кронштадтского восстания 1921 г., но этот сюжет выходит за рамки нашей статьи.

²*Невалайнен П.* Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917 – 1939). Пер. с финск. М. Леппя. СПб, 2003. С. 15 – 16; *Мусаев В. И.* Финляндская независимость и «дерусификация» Финляндии // Санкт Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой международной научной конференции (16 – 17 апреля 2008 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб, 2009. С. 50.

³*Невалайнен П.* Изгои... Частично эта тема затрагивалась и в монографии П. Неволайнена. Исход. Финская эмиграция из России 1917–1939. Пер. с финск. М. Леппя. СПб, 2005. *Мусаев В. И.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (Оконец XIX в. – 1930-е гг.). СПб, 2007; *Суомела Ю.* Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918 – 1940 гг. Пер. с финск. Л. В. Суни. СПб, 2004.

⁴*Каремаа О.* Русофобия в Финляндии 1917 – 1923 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII – XX вв. / Редколлегия: А. Н. Сахаров, Т. Вихавайнен, Л. П. Колодникова. М., 2006.

⁵Там же. С. 213 – 216, 219.

⁶*Мери В.* Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. М., 1997. С. 115; *Мусаев В. И.* Россия и Финляндия... С.124.

⁷Русские в Финляндии в 1918 – 1919 гг. Записка старшего лейтенанта Г. Е. Дихта о положении Русских в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. № 6. 2011 / Сост. Т. Н. Гончарова. СПб, 2011. С. 127, 130, 131; Русские в Финляндии 1918 – 1919 гг. Ч. 2. Н. Лунина «Трагедия русских в Финляндии» // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского университета № 7. 2011 / Сост. Т. Н. Гончарова. СПб, 2011. С. 171.

⁸Мусаев В. И. Россия и Финляндия... С. 125 – 126; Дубровская Е. Ю. Жизнь русской колонии в Финляндии весной 1918 г. (по материалам русскоязычной прессы) // Зарубежная Россия 1917 – 1939 гг. Сб. статей. СПб, 2000. С. 64.

⁹Каремаа О. Русофобия в Финляндии 1917 – 1923 гг. ... С. 215.

¹⁰Русские в Финляндии в 1918 – 1919 гг. Записка старшего лейтенанта Г. Е. Дихта... С. 143.

¹¹Эйде И. Финляндия и её внешняя политика. М. – Л, 1931. С. 25.

¹²Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб, 2002. С. 227; Русские в Финляндии в 1918 – 1919 гг. Записка старшего лейтенанта Г. Е. Дихта... С. 128.

¹³Мусаев В. И. Финляндская независимость и «дерусификация» Финляндии... С. 49.

¹⁴Андреев Л. Н. S.O.S.: Дневник (1914 – 1919); Письма (1917 – 1919); статьи и интервью (1919); воспоминания современников (1918 – 1919). Вступ. статья, составление и примечания Р. Дэвиса и Б. Хэллмана. М., СПб, 1994. С. 434; Русские в Финляндии в 1918 – 1919 гг. Записка старшего лейтенанта Г. Е. Дихта... С. 135; Невалайнен П. Изгой... С. 62; Невалайнен П. Исход... С. 110; Суомела Ю. Русские газеты и журналисты в Финляндии в 1917 – 1927 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII – XX вв. С. 224; Суомела Ю. Зарубежная Россия... С. 41.

¹⁵Невалайнен П. Изгой... С. 62; Невалайнен П. Исход... С. 111.

¹⁶Мусаев В. И. Финляндская независимость и «дерусификация» Финляндии... С. 51.

¹⁷Суомела Ю. Зарубежная Россия... С. 41 – 42.

¹⁸Невалайнен П. Изгой... С. 62.

¹⁹Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918 – 1920. М., 2005. С. 103.

²⁰Смолин А. В. Белое движение. На Северо-Западе России (1918 – 1919 гг.). СПб, 1999. С. 98.

²¹Русские в Финляндии в 1918 – 1919 гг. Записка лейтенанта Г.Е.Дихта о положении русских в Финляндии... С. 135.

²²Там же. С. 136.

²³Пилкин В.К. В Белой борьбе на Северо-Западе... С. 81.

²⁴Мусаев В. И. Первые русские общественные и политические организации в независимой Финляндии (1918 – начало 1919 г.) // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII – XX вв. С. 296 – 298; Мусаев В. И. Россия и Финляндия... С. 130 – 131, 133 – 137; Суомела Ю. Русские газеты и журналисты в Финляндии в 1917 – 1927 гг. ...С. 224 – 225.

²⁵Мусаев В. И. Первые русские общественные и политические организации в независимой Финляндии (1918 – начало 1918 г.)... С. 295 – 296; Мусаев В. И. Россия и Финляндия... С. 126 – 127.

²⁶Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе... С. 131, 132, 159.

²⁷Мусаев В. И. Константин Арабагин в Санкт-Петербурге и Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции (14 – 16 апреля 2004 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова. СПб, 2005. С. 37.

²⁸Каремаа О. Русофобия в Финляндии 1917 – 1923 гг. ... С. 216; Русские в Финляндии в 1918 – 1919 гг. Записка старшего лейтенанта Г. Е. Дихта... С. 138–139, 141; Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе. С. 81, 87; Андреев Л. Н. S.O.S. ... С. 400; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России... С. 100.

²⁹Дубровская Е. Ю. Жизнь русской колонии в Финляндии весной 1918 г. ... С. 61; Невалайнен П. Изгой... С. 17.

³⁰Русские в Финляндии в 1918 – 1919 гг. Записка старшего лейтенанта Г. Е. Дихта... С. 143 – 144.

³¹Суомела Ю. Зарубежная Россия... С. 286.

³²Там же. С. 144

³³Там же. С. 146; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России... С. 87.

³⁴Русские в Финляндии в 1918–1919 гг. Записка старшего лейтенанта Г. Е. Дихта... С. 139 –140; Рупасов А. И. Дебаты в эндускунте о беженцах из России. Январь 1919 г. // Русское зарубежье и Финляндия между двумя мировыми войнами. СПб, 2004. С. 28.

³⁵Русские в Финляндии в 1918–1919 гг. Записка старшего лейтенанта Г. Е. Дихта... С. 137 – 138; Мусаев В. И. Первые русские общественные и политические организации в независимой Финляндии... С. 298.

³⁶Русские в Финляндии в 1918 – 1919 гг. Записка старшего лейтенанта Г. Е. Дихта... С. 139.

³⁷Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России... С. 94 – 95.

³⁸Там же. С. 95.

³⁹«Совершенно лично и доверительно!». Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков. Переписка. 1919 – 1951. В 3-х т. / Под ред. О. Будницкого. М., 2001–2002. Т. 3. С. 375. В. А. Маклаков – Б. А. Бахметеву, 19 декабря 1927 г.

⁴⁰Там же. С. 382. Б. А. Бахметев – В. А. Маклакову, 8 февраля 1928 г.

⁴¹Цит. по: Мусаев В. И. Первые русские общественные и политические организации в независимой Финляндии (1918 – начало 1919 гг.)... С. 296.

⁴²Карташев А. В. –Пепеляеву В. Н. 25/12 – V – 1919 г. // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 145.

⁴³Андреевский В. М. Как мы бежали из Петрограда (1920 г.) // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Вступит. ст., подготовка текста и примечания Е. М. Мироновой. М., 2008. С. 386.

⁴⁴Русские в Финляндии в 1918 – 1919 гг. Записка старшего лейтенанта Г. Е. Дихта... С. 140, 143.

⁴⁵Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе России... С. 75, 81.

⁴⁶Колчак и Финляндия // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 110.

⁴⁷Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе России... С. 75, 81, 87, 103, 131, 177.

⁴⁸Там же С. 103.

⁴⁹Там же С. 43.

⁵⁰Там же. С. 104.

⁵¹Русские в Финляндии в 1918 – 1919 гг. Записка старшего лейтенанта Г. Е. Дихта... С. 130.

⁵²Там же С. 148.

⁵³Там же С. 149.

⁵⁴Там же.

⁵⁵*Андреев Л. Н. S.O.S. ...* С. 168.

⁵⁶Там же. С. 178.

⁵⁷Там же. С. 323.

⁵⁸Там же. С. 400; *Пилкин В. К.* В Белой борьбе на Северо-Западе России... С. 154; *Курпин А. И.* Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919 – 1921) / Сост., вступит. ст. и комментарии Б. Хеллмана при участии Р. Дэвиса. СПб, 2001. С. 16 – 17.

⁵⁹*Андреев Л. Н. S.O.S. ...* С. 355 – 359.

⁶⁰*Андреевский В. М.* Как мы бежали из Петрограда (1920 г.)... С. 400.

⁶¹Там же. С. 388 – 394.

⁶²Там же. С. 390. О том, что переход границы стоил денег, сообщают и другие источники. См.: *Коковцев В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. В 2-х книгах. Кн. 2-я. М., 1992. С. 404; *Рупасов А. И.* Дебаты в эндускунте о беженцах из России... С. 29.

⁶³*Неволайнен П.* Исход... С. 125 – 126; *Мусаев В. И.* Россия и Финляндия... С. 140.

⁶⁴*Мусаев В. И.* Россия и Финляндия... С. 142.

⁶⁵*Рупасов А. И.* Дебаты в эндускунте о беженцах из России... С. 27, 31.

⁶⁶*Неволайнен П.* Исход... С. 74.

⁶⁷*Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* Советско-финляндская граница, 1918– 1938. СПб, 2000. С. 32.

⁶⁸*Андреевский В. М.* Как мы бежали из Петрограда (1920 г.)... С. 395.

⁶⁹Там же. С. 395– 396.

⁷⁰Там же. С. 396.

⁷¹Там же. С. 399.

⁷²Там же. С. 396.

⁷³Там же. С. 400.

⁷⁴Там же. С. 401.

⁷⁵*Пилкин В. К.* В белой борьбе на Северо-Западе России... С. 103.